

13. Клиническая фармакология ацетилцистеина / М.Н.Ивашев [и др.] Успехи современного естествознания. – 2013. – № 5. – С. 116–117.
14. Клиническая фармакология биотрансформации лекарственных препаратов в образовательном процессе студентов / К.Х. Саркисян [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 8. – С. 101–103.
15. Клиническая фармакология лекарственных средств, для терапии анемий в образовательном процессе / И.А. Савенко [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 8. – С. 132–134.
16. Клиническая фармакология лекарственных средств, применяемых в педиатрии в образовательном процессе студентов / А.М. Куянцева [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 10–2. – С. 307–308.
17. Клиническая фармакология пероральных сахароснижающих лекарственных средств в обучении студентов фармацевтических вузов / А.В. Сергиенко [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 17–20.
18. Компьютерное прогнозирование биомолекул / И.П. Кодонида [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 11–1. – С. 153–154.
19. Оценка биохимических показателей крови крыс при курсовом применении масляного экстракта плодов пальмы сабаль / А.В. Савенко [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 11. – С. 14–15.
20. Оценка состояния нервной системы при однократном применении масляного экстракта плодов пальмы сабаль / И.А. Савенко [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 11. – С. 15.
21. Оценка состояния нервной системы при применении масляного экстракта плодов пальмы сабаль в условиях субхронического эксперимента / А.В. Савенко [и др.] // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 3. – С. 141–142.
22. Результаты макроморфологического исследования состояния внутренних органов крыс при длительном применении масляного экстракта плодов пальмы сабаль / А.В. Савенко [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 3. – С. 14.
23. Ремоделирующая активность адаптивной репарации экстракта жирного масла льна в экспериментальной фармакологии / Е.Е. Зацепина [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 1. – С. 112–113.
24. Характеристика репаративно-адаптивной активности жирных растительных масел в эксперименте / Е.Е. Зацепина [и др.] // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 9. – С. 10.
25. Целенаправленный поиск и фармакологическая активность ГАМК-позитивных соединений / И.П. Кодонида, А.В. Арлыт, Э.Т. Оганесян, М.Н. Ивашев // Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Пятигорская гос. фармацевтическая акад. Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию», Кафедры органической химии и фармакологии. Пятигорск, 2011.
26. Экспериментальное изучение общей токсичности и анаболической активности масляного раствора поливитаминного комплекса А, D3, E / А.В. Сергиенко [и др.] // Депонированная рукопись №322–В2003 18.02.2003.
27. Экстракт жирного масла арахиса и его адаптивно-репаративная активность на модели ожога / Е.Е. Зацепина [и др.] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 12. – С. 99–100.
28. Экстракт жирного масла рапса и его адаптивное воздействие на пролиферативную фазу у крыс / Е.Е. Зацепина [и др.] // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 3. – С. 10–11.
29. Возможность применения многокомпонентного комбинированного средства для коррекции иммунных нарушений / А.В. Сергиенко [и др.] // Аллергология и иммунология. – 2013. – Т. 4. – С. 102.

**«Актуальные проблемы науки и образования»,
Германия (Дюссельдорф-Кельн), 2-9 ноября 2014 г.**

Искусствоведение

**ВОСПОМИНАНИЕ В МУЗЫКЕ
КОМПОЗИТОРОВ-РОМАНТИКОВ:
ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
ИДЕАЛЬНОГО**

Ступницкая М.А.

ГОБУК ВПО «Волгоградский государственный
институт искусств и культуры», Волгоград,
e-mail: sma-volg@bk.ru

Исследуя богатейшее наследие музыкального романтизма, можно заметить, что значимое место в образном строе произведений композиторов эпохи занимает воспоминание. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к программным заголовкам сочинений, предпосланным опусам эпиграфам, ремаркам и авторским комментариям.

Разнообразное воплощение воспоминание находит и в других видах романтического искусства, заявляя о себе в поэзии, литературе, а также живописи. В мир своего прошлого, например, погружаются герои романов и поэтических опусов Фр. Шлегеля, Новалиса, Л. Тика, У. Вордсворта, Дж. Байрона, В. Жуковского, Ф. Тютчева, А. Пушкина, М. Лермонтова. Воспоминания предстают на полотнах живописцев К. Коро, Э. Фромантена, К.-Д. Фридриха, К. Шпицвега, находят отображение в графических рисунках Т. де Томона, О. Домье.

Дневниковые записи и эпистолярное наследие романтиков свидетельствуют о том, что удивительная способность человека вспоминать своё прошлое становится предметом глубокого осмысления. Так, П. Чайковский, оглядываясь на прожитую жизнь, напишет: «Память – одно из самых благодатных даров неба. Для меня нет наивысшего наслаждения, как погружаться в прошлое» [7, с. 121].

Художники-романтики настолько глубоко уходят в мир воспоминаний, в это «духовное свидание» (Л. Фейербах) с прошлым, что отождествляют с ним своё собственное существование. Прекрасной иллюстрацией тому служат слова В. Жуковского: «Я и воспоминание – одно и то же» [цит. по: 2, с. 353]. Примечательно, что и в эстетических трудах поэтов и философов этого периода (Фр. и Авг. Шлегелей, Новалиса, Дж. Леопарди, С. Кольриджа, П. Шелли, И. Гердера) феномену воспоминания уделяется особое внимание и рассуждения о его сущности довольно обширны.

Всё это в целом позволяет прийти к выводу о том, что воспоминание в жизни и творчестве романтиков приобретает некий особый статус. Закономерен вопрос: чем обусловлен столь устойчивый интерес к миру воспоминаний? Думается, ответ на него следует искать в особенностях мироощущения художников-романтиков

и эстетических установках эпохи. И здесь возникает необходимость сказать о том, что на современном этапе развития науки накоплен огромный материал, посвящённый проблемам романтизма. Однако широко представленному в музыке феномену до сих пор не было уделено должного внимания, и обоснование художественно-эстетических предпосылок запечатления воспоминания в музыке композиторов-романтиков ранее не предпринималось.

Итак, осуществляя попытку исследования воспоминания в контексте эстетики эпохи, сосредоточив внимание на одном важнейшем аспекте: весьма значимой для романтизма *категории идеального*. Интерес представляет то, каким образом данная эстетическая категория заявляет о себе в воплощённом в музыке воспоминании и придаёт ли последнему специфические свойства.

Уяснение поставленных вопросов невозможно без учёта характерных черт романтического сознания. Для последнего свойственно понимание личности как единственной силы, способной освободить человека и окружающий мир от поглощающей чуждой реальности и утвердить такой образ жизни, в котором приоритетом выступали бы духовные ценности. Осмысление же того, что построение гармоничного мира неосуществимо в существующей реальности заставляет романтика погружаться в глубины собственного Я. При этом возникающая антинормальность субъективного и объективного, желаемого и действительного приводит к устойчивому присутствию настроений неудовлетворённости, разочарования и растерянности. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания самих художников. Так, итальянский поэт и литературный критик конца XVIII – начала XIX веков У. Фосколо напишет: «Мир, в котором мы живём, утомляет и огорчает нас и, ещё хуже, приедается нам» [6, с. 925].

Объективная реальность отягощает бытие художника, не позволяя ему претворить в жизнь свои истинные устремления. Это неминуемо рождает чувство отчуждённости. Исследователь А.Г. Арановский, в частности, рассматривая творчество П. Чайковского с точки зрения преломления в нём романтических традиций, отмечает, что композитор «видит мир сквозь призму исканий одинокой личности, исканий напряжённых, вызванных трагическим разладом с жизнью. <...> Герой Чайковского – <...> остро ощущающий своё одиночество, неблагополучие жизни, противоречие между своими идеалами и жестоким миром» [1, с. 103]. Эти слова справедливо отнести ко многим другим представителям романтизма – Ф. Шуберту, Г. Берлиозу, Р. Шуману, Ф. Шопену.

На фоне таких переживаний романтическое сознание постоянно направлено на построение совершенного бытия, созвучного самоценному

духовному миру. Это устремление – уже некий прорыв человеческого духа к «иному миру», в котором сокрыт идеал. Именно выход в мир идеальный позволяет уловить мерцающие отблески мистического счастья и освобождает от бремени объективной реальности.

Здесь следует обозначить те пределы, в границах которых для романтика простирается идеальное бытие. Так, согласно мнению И.И. Соллертинского, существуют три направления, приближающие художника и его героя к желаемому: бегство в историческое прошлое (Средневековье), бегство территориальное (в экзотические страны) и бегство в сферу чистого вымысла (фантастика) [3, с. 26]. Эти же пути, выводящие романтика к идеальному миру, выделяются как ключевые в целом ряде работ как отечественных, так и зарубежных авторов (В.В. Ванслово, Н.Я. Берковского, М.Я. Кагана, О.А. Кривцуна, Ф. Блюма Д.-В. Брауна, Дж. Шнайдер и других).

Безусловно, названные координаты являются важнейшими, и позиция учёных абсолютно обоснована. Однако такая картина представляется всё же не совсем полной и требует внесения некоторых дополнений. И здесь нужно акцентировать внимание на том, что для романтика огромную ценность имеет бесконечный мир его субъективного Я. Именно он, а не внешний мир объективной реальности открывает возможность человеческому духу ощутить ту неограниченную свободу, которая так необходима на пути достижения идеала. В частности, в высказываниях философов, эстетиков, художников постоянно подчёркивается, что только воображение (или фантазия) и воспоминание способны удовлетворить все желания человека. Соответственно, определяя границы совершенного бытия, нельзя игнорировать тот факт, что оно черпается романтиком и в *ирреальном измерении его собственного сознания*.

Подтверждением тому служат многочисленные обращения композиторов эпохи к запечатлению в музыкальных опусах образов мечтаний, грёз, снов, видений и воспоминаний. Пристальное внимание к данной тематике обусловлено, с одной стороны, тем, что хрупкий мир смутно мерцающих образов способен выступить в роли некоего противовеса приземлённому материальному миру. В этом смысле ирреальное бытие становится убежищем, уводящим в бесконечность таинственных глубин сознания и подсознания. Погружение в «потусторонний мир созерцания» (Л. Фейербах) открывает возможность приблизиться к тому, что потеряно или не обретено в действительности. С другой же стороны, сфера призрачных видений служит своеобразным зеркалом, отражающим сущность самого идеала – его недостижимость. В этом смысле размытость и изменчивость всплывающих в сознании образов прошлого оказываются созвучны романтическому ощущению эфемерности идеального мира.

Показательным примером такого воплощения мира воспоминания могут служить «Забывтые вальсы» Ф. Листа. Мелькающие в них образы настолько призрачны, зыбки и неясны, что их трудно «опознать». Нельзя не согласиться с исследователем Т.Н. Тимонен, которая тонко подмечает, что в самом обращении Листа к миру воспоминаний «угадывается романтическое пристрастие восстанавливать процесс движения к идеалу, взамен обнаружения самого идеала» [5, с. 37].

Устремлённость романтического сознания к обретению совершенного бытия вполне закономерно проявляется и в стремлении видеть в прошедшем прежде всего самое дорогое и прекрасное. Эту особенность романтического мироощущения демонстрирует суждение философа, эстетика и психолога XIX века Г. Спенсера: «Мы обращаем в украшения большинство явлений прошлого» [4, с. 887]. Красноречивы и поэтические строки: «всё счастье мне – память промчавшихся лет» (Дж. Байрон), «но милое минувших дней <...> милее будет навсегда» (В. Жуковский), «что пройдёт, то будет мило» (А. Пушкин). Те же настроения пронизывают и письмо П. Чайковского к Н. фон Мекк, в котором композитор, раскрывая программный замысел второй части Четвёртой симфонии, пишет: «Грустно, что так много уже было, да прошло и приятно вспоминать молодость. <...> И грустно, и как-то сладко погружаться в прошлое» [8, с. 62].

Данные высказывания отчётливо демонстрируют отношение художников-романтиков к своему прошлому как к некому островку счастья. Воспоминание для них становится той «глубиной безмерной», в которой сознание черпает образ совершенного мира. Соответственно бывшее выступает как оппозиция настоящему, наполненному страданиями, и оказывается равным романтическому идеалу. Этот аспект следует выделить как ключевой, поскольку в нём раскрывается особый взгляд романтиков на субъективное прошлое.

Необходимо также отметить, что музыкальное искусство, наиболее тяготеющее к выражению возвышенно-прекрасного начала, оказывается в наибольшей степени способным передать средствами своего языка эту сторону воспоминания. Таким, воспоминание предстаёт в музыкальных произведениях Ф. Шопена. Комментируя образный строй второй части *e-moll*'ного Концерта в письме к другу, автор пишет: «Оно немощное, а скорее романтическое, спокойное, меланхолическое и должно производить впечатление ласкового взора, устремлённого туда,

откуда всплывают в душе тысячи приятных воспоминаний» [9, с. 158]. Проникновенный лиризм интонаций Концерта, окутанных дымкой приглушённого звучания солирующего инструмента и оркестра, в сочетании с неспешным развёртыванием музыкальной мысли тонко воссоздают описанный польским романтиком музыкальный образ. Эмоциональный строй части наполнен настроениями элегической грусти. Искренний, задушевный тон высказывания, через который проступают внутреннее благородство и возвышенность чувства, излучает гармонию. Воспоминание здесь раскрывается как безмерно дорогое человеческому сердцу, идеализированное «вчера».

Мир воспоминания вместе с тем удалён во времени, затерян в прошлом. Понимание того, что бывшее невозможно вернуть рождает ностальгию по минувшему. Оттого так часто светлый эмоциональный мир музыкальных воспоминаний композиторов-романтиков оттеняется нотами печали, а порой пронизан и щемящей тоской.

Итак, «бегство от действительности» осуществляется романтиком не только во внешний мир, объективно существующий (или существовавший в далёком историческом прошлом), но и в мир своего Я. С этой точки зрения правомочно расширить границы идеального мира художника-романтика сферой его субъективного сознания, в которой особое место занимает воспоминание. Воплощаемый в образном строе музыкальных опусов мир воспоминаний – неясный, ускользающий – оказывается созвучен романтическому ощущению призрачности и трудноуловимости столь желанного идеального мира.

Список литературы

1. Арановский М.Г. Романтизм и русская музыка XIX века // Вопросы теории и эстетики музыки: сб. статей / отв. ред. Л. Н. Раабен. – М., Л.: Музыка, 1965. – Вып. 4. – С. 87–105.
2. Либан Н.И. Лекции по истории русской литературы. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – 464 с.
3. Соллертинский И.И. Романтизм, его общая и музыкальная эстетика. – М.: Музгиз, 1962. – 48 с.
4. Спенсер Г. Опыт научные, политические и философские // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. – М.: Искусство, 1967. – Т. 3. – С. 885–888.
5. Тимонен Т.Н. О «Забывтых вальсах» Ф. Листа // Теория, история, психология музыкального искусства: сб. статей. – Петрозаводск: Петрозаводский филиал ЛГК, 1990. – С. 37–40.
6. Фосколо У. Принципы поэтической критики // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. – М.: Искусство, 1967. – Т. 3. – С. 922–927.
7. Чайковский П.И. О музыке, о жизни, о себе. – Л.: Музыка, 1976. – 272 с.
8. Чайковский П.И. О симфонической музыке: Избранные отрывки из писем и статей / сост. И.Ф. Кунина. – М.: Музгиз, 1963. – 312 с.
9. Шопен Ф. Письма: В 2 т. / сост. Г.С. Кухарский. – М.: Музыка, 1976. – Т. 1. – 527 с.